

В. А. ЛАТЫШЕВА

СОВРЕМЕННЫЙ «LATERNA MAGICA» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Рассматриваются современные аспекты междисциплинарности на примере историографии объектов исследования белорусской психиатрии и методологических возможностей социальной истории; предлагаются идеи, нацеленные на расширение источниковой базы и методологии ее анализа.

In the publication focused on contemporary aspects of interdisciplinarity for example, the historiography of the objects of study of the Belarusian psychiatry and methodological possibilities of social history; offers ideas aimed at the extension of the source base and the methodology for its analysis.

Ключевые слова: междисциплинарный подход; методология; историография; психиатрия Беларуси; душевнобольные.

Keywords: interdisciplinary approach; methodology; historiography; psychiatry of Belarus; mentally ill.

В XVII в. было изобретено устройство, которое впоследствии его активный пропагандист Т. Вильгенштейн, математик из Дании, назвал *Laterna magica* (*лат.* — волшебный фонарь). Это прототип современных проекторов. Устройство позволяло зрителю в зависимости от картинок, демонстрируемых механиком, наблюдать различные сюжеты.

Возможно, что историческое знание строится по схожему принципу: оно позволяет обывателю увидеть различные ракурсы его жизни. Сюжеты сеанса зависят от предпочтений общества, мастера, т. е. исследователя (соответственно, созвучного его пониманию уровня научного развития) и технологического прогресса — теоретико-методологической

основы истории. Совокупность этих элементов позволяет историкам конструировать калейдоскоп реальностей эпох.

Методологические практики современного исторического познания характеризуются разнообразием их элементов. Так, значительное влияние на методологию истории на протяжении не одного десятилетия оказывает феномен междисциплинарности. Нельзя не заметить изменений, произошедших в его «облике». Если в 1970-е гг. была характерна методологическая «всеядность» исследователей, а в 1990-е гг. — наблюдался «междисциплинарный скептицизм» [9, с. 44], то в последнее десятилетие вновь актуальной стала проблема методологического синтеза. Однако по-прежнему междисциплинарность, несмотря на развитие явления, зачастую воспринимается как использование достижений других дисциплин (теорий, методов, стилей мышления) для получения продуктивного результата в своем виде деятельности. В частности, это ситуация, «когда историк будет использовать математические или социологические методы для обработки эмпирического материала или применять те или иные социологические или психологические теории для объяснения причин появления каких-либо событий, структур или процессов» [11, с. 6]. На взгляд автора, проблема междисциплинарности требует и более широкого подхода: она должна рассматриваться не только как «заимствование», но и, скорее, как «взаимоперетекание», пусть и все тех же теорий, методов, стилей мышления. Такое видение следует и из состояния отечественной историографии, где актуализировался ряд новых практических задач, требующих соответствующего решения.

Обогатило научное знание в его различных областях изучение определенных социальных групп. Если ранее исследователь опирался главным образом на принцип историзма, то ныне его выбор ориентирован на ценностный подход. И это не случайно. В условиях кризиса внимание исследователей оправданно концентрируется на наименее защищенных социальных группах. Среди таковых — душевнобольные, т. е. люди с ограниченными психическими, а в ряде случаев психофизическими, возможностями. В современном мире их более полумиллиарда.

Названная группа представляется как междисциплинарный объект исследования, который требует внимания ученых различных отраслей: психиатрии, юриспруденции, лингвистики, социологии, психологии и др., в том числе истории. Видный советский ученый В. А. Гиляровский еще в 1930-е гг. заметил: «Психиатрия — это зеркало, в котором отражаются все теневые стороны жизни» [2, с. 23].

Состояние общества в рамках процесса познания отражает актуализация научного интереса к такой группе, как душевнобольные. Впервые внимание к ним было отмечено в первые десятилетия XIX в. Тогда происходило зарождение и становление психиатрии. Ее быстрое оформление объясняется более давними и богатыми корнями, заложенными ранее. Однако сегодня приходится признать, что данное явление относительно территории Беларуси не получило должного отражения в историографии. Количество посвященных ему публикаций остается малочисленным.

Впервые к этому вопросу на уровне монографических исследований, хотя бы в виде вкрапленных в них эпизодических сюжетов, отечественные авторы обратились в 1920-е гг. Именно в историографии советского периода, как справедливо замечал еще в 1979 г. специалист в области психиатрии В. Ф. Круглянский [6, с. 5], было обращено внимание на ряд различных вопросов, связанных со становлением и развитием «русской» психиатрии и общества. Следует отметить наличие большого количества «закрытых» тем периода, несмотря на догматизацию, отсутствие научного плюрализма. Эта тенденция коснулась и Беларуси. Среди получивших широкую известность и остающихся востребованными до сих пор — работы видных советских психиатров Ю. В. Каннабиха, Т. И. Юдина и Д. Д. Федотова, авторов исследований, посвященных истории психиатрии.

В 1923 г. известный психиатр, невропатолог, физиолог и психолог В. П. Осипов в «Курсе общего учения о душевных болезнях», вышедшем на русском языке в Берлине, помимо описания различных проблем психиатрии, обратился к такому аспекту, как «взгляд на душевнобольных у славян». Именитый автор попытался определить общее и отличное в отношении к «душевным» болезням жителей Западной Европы и славянских народов. Он отметил, что «в России и в большей части славянских земель никогда не было таких обширных эпидемий бесноватости, как это известно относительно Западной Европы» [10, с. 101]. Здесь же В. П. Осипов приводит следующий факт: «Интересен приказ Михаила Федоровича в 1655 г., которым запрещалось под страхом смертной казни покупать у литовцев хмель, так как в Литве, по словам лазутчиков, баба-ведунья наговаривает на хмель с целью навести на Русь моровое поветрие» [10, с. 103], т. е. «эпидемию, эпидемические болезни, вызывающие большую смертность», в нашем случае «эпидемию бесноватости». Действительно, отношение к душевным болезням было сродни отношению к эпидемиям.

Потребность в обращении к вопросу об отношении окружающих к душевнобольным в связи с изменениями, происходящими в обществе, продемонстрировал в 1928 г. Ю. В. Каннабих на страницах «Истории психиатрии» [4], известной как в Советском Союзе, так и за рубежом. «Историческое обозрение», как оценил свое исследование автор, охватило эпохи от «психозов у древних народностей» до «психиатрии в советской медицине» и вызывает интерес у читателей не только глубокой хронологией, но и широкой географией истории психиатрии.

К сожалению, данные, предоставленные Ю. В. Каннабихом относительно развития психиатрии на территории Беларуси, как и данные В. П. Осипова, носят ограниченный характер. Внимание автора привлекали более развитые центры оказания медицинской психиатрической помощи в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Киеве, Одессе, чем периферийные, в том числе в белорусских губернских городах. В кругу заинтересовавших его лиц оказался И. М. Балинский — первый представитель русской университетской психиатрии, профессор, прекрасный лектор, успешный организатор системы оказания психиатрической медицинской помощи в России. Автор «Истории психиатрии» не упустил того факта, что профессор И. М. Балинский был выходцем из Северо-Западного края. Он «родился... в Вильне. Рос и воспитывался в доме своего деда, известного польского историка Андрея Снядецкого» [4, с. 454].

Повторно к проблеме развития психиатрической помощи в белорусских губерниях Ю. В. Каннабих возвращается, когда речь заходит об изменениях в системе оказания психиатрической помощи, вызванных земскими реформами и их особенностями на некоторых территориях России.

В 1930-е гг. историография истории белорусской психиатрии, как и советской в целом, характеризуется «исследовательским затишьем»: ярких публикаций не отмечено. Если ранее исследователи находили и подчеркивали выдающиеся достижения в области психиатрии дореволюционной эпохи, то в 1930-е гг. писать об этом стало небезопасно. Но в действительности, несмотря на достижения психиатрии в межвоенное, уже советское, время, ряд проблем, возникших при организации советской системы оказания психиатрической медицинской помощи населению, так и не был разрешен. Ее состояние в БССР, по признанию в 1938 г. Наркомздрава Советского Союза, было «необычайно тяжелым» [1, л. 5]. В 1939 г. оно усугубилось вхождением в состав БССР западных областей, где, по справедливой оценке Д. Ф. Гофрина, «практически от-

существовали структуры, оказывавшие специализированную помощь подобного рода» [3, с. 7].

Наполненные трагизмом 1940-е гг. не могли принести сдвигов в этом направлении, однако подготовили почву для успехов в 1950-е гг. В 1951 г. были опубликованы «Очерки истории психиатрии» [13] Т. И. Юдина, одного из крупнейших психиатров советского времени, организатора психиатрической службы в СССР. Автор показал себя сторонником и продолжателем дела виднейших психиатров еще царской России, что, однако, не мешало ему занимать видные посты в системе советской психиатрии.

Профессор Т. И. Юдин расширил проблемное поле истории психиатрии, развивавшейся на белорусских землях. Он осветил процесс эволюции психиатрической медицинской помощи в Витебске, Гродно, Минске и Могилеве, а также в таком «краевом центре», как Вилейская психиатрическая больница вблизи Вильно. В исследовании широко представлен период с конца XIX в. до Первой мировой войны. К сожалению, автор умер в 1949 г., так и не закончив работы, оставив ее с эпизодичным анализом истории советской психиатрии вплоть до 1940-х гг.

Вопросы зарождения и становления медицинской психиатрической помощи, в том числе и в белорусских губерниях, попытался раскрыть и другой видный психиатр и организатор системы советского здравоохранения, профессор Д. Д. Федотов. Его «Очерки по истории отечественной психиатрии» вышли в 1957 г. [12]. Узкие хронологические рамки этого исследования позволяют читателю ознакомиться с историей зарождения специализированной медицинской психиатрической помощи под покровительством Приказов общественного призрения, в том числе в Витебске, Гродно, Минске и Могилеве до середины XIX в.

Несмотря на развертывание феномена «карательной психиатрии» в СССР в 1960-е гг., для белорусской историографии именно в это время произошел настоящий прорыв: было подготовлено остающееся и по сей день единственным диссертационное исследование, посвященное истории сугубо белорусской психиатрии [5]. Автор — Л. А. Костейко, белорусский психиатр, изучившая и представившая историю отечественной психиатрии с конца XVIII в. до 1960 г. В работе она обращается к разнообразным сюжетам, в том числе связанным и с первыми упоминаниями в письменных источниках сведениям о душевнобольных на белорусских землях. В целом исследование построено на основе значительной источниковой базы, состоящей из разнообразных материалов, хранящихся в архивах Беларуси, Литвы и России. В 1970 г. состоялась

успешная защита диссертации Л. А. Костейко на соискание ученой степени кандидата медицинских наук, однако ее работа не была опубликована. В последующие десятилетия подобных исследований так и не появилось.

Сегодня очевидной является востребованность комплексного обращения к проблеме существования такой группы, как душевнобольные. Решение подобной задачи уже невозможно без должного социального контекста, где становится актуальным «вмешательство» историков, например в отношении ряда проблем, преследовавших психиатрию на протяжении всего XX в. Раскрытие рассматриваемой тематики означало бы фактологическое и методологическое обогащение исследовательского багажа социальной истории и психиатрии, сделало бы последнюю более открытой для общества, способствовало бы преодолению мифов, продолжающих жить в сознании обывателей. Следует учесть, что не только фрагментарный характер истории отечественной психиатрии в широком смысле, но и ее «узкие» рамки в освещении всей полноты проблемного поля, связанного с жизнью душевнобольных, отражают сегодня скорее сугубо медицинское знание, чем необходимую социальную сторону проблемы — порождая потребность в междисциплинарном подходе. В данном случае взаимовыгодным может стать союз психиатрии с исторической наукой.

Необходимость такого совмещения связана и с тем, что история психиатрии, например, БССР межвоенного периода, имеет весьма ограниченную источниковую базу. В Национальном архиве Республики Беларусь она представлена малочисленными документами, хранящимися в фонде № 46 Министерства здравоохранения БССР, судьба которого была незавидной. Как отмечается в пояснительной записке к описи № 1, «Архивный фонд до начала Отечественной войны находился на хранении в ЦГАОР БССР в г. Могилеве. Документальные материалы не были эвакуированы во время войны, это отразилось на их сохранности и состоянии. В фонде сохранились те из них, которые относятся к периоду 1919—1925 гг. и незначительное количество дел за 1926—1941 гг. (по 1—3 ед. хранения за год, причем за 1928, 1931—1932, 1934—1937 гг. материалы вообще не сохранились)» [8, л. 4].

Следует учитывать, что «сужение» источниковой базы подобных исследовательских проблем происходит также из-за того, что душевнобольные люди по понятным причинам не могли (и не могут) оставлять источников личного происхождения, по которым можно было бы судить об эффективности проводимых мер по оказанию им медицинской

и иной помощи. Сказывается порой и неприязненное отношение, даже в среде интеллектуалов, к существованию в обществе душевнобольных.

В силу естественных причин не представляется возможным всесторонне изучить состояние социальной группы душевнобольных. Тем не менее возможность приблизиться к пониманию культуры ее существования в межвоенный период имеется — путем поиска и анализа символических элементов, в том числе слов, образов и поступков, характерных для общества того времени в целом, позволяющих ему раскрывать самого себя в настоящем и позиционировать других.

Исторические исследования могут и должны быть нацелены на реконструкцию прошлого, связанного с такой группой населения, как душевнобольные. Их жизнь ассоциируется с теми установками, которые доминируют в обществе того или иного времени. В данном случае лакмусовой бумажкой может стать обывательское восприятие этой целевой группы. Его определяют, как правило, государственная политика и ментальные установки различных групп населения. Если первая составляющая может изменяться довольно часто, то вторая отличается явным консерватизмом.

Кроме того, внимание исследователей должны привлекать и другие стороны: становление системы оказания психиатрической помощи в структуре строительства такого государственного механизма, как СССР; векторы нацистской политики преследования и уничтожения душевнобольных на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны; «карательная психиатрия» послевоенного времени; вопросы современности, связанные с положением душевнобольных в белорусском обществе. В одной из опубликованных лекций доктор медицинских наук И. Д. Муратова подчеркнула: «Психиатрия (наука и практика) действительно из всех медицинских дисциплин является наиболее уязвимой и чувствительной ко всякого рода кризисам в обществе, ортодоксальным перегибам в естественных и мировоззренческих науках и за свою историю пережила немало “перестроек” и “ломок”» [7].

Исследовательский выбор рассматриваемой группы предполагает и свой методологический фундамент, который обусловлен функцией исторической научной практики и таким ее исходным положением, как принцип ценности в истории. Вопросы, связанные с поиском и утверждением ценностных ориентиров, приобретают известную остроту в обществе. Именно история должна дать ответы на соответствующие запросы современности, что, в свою очередь, вызывает обновление и са-

мих объектов, и методов их познания. Наличие объектов, рассмотренных выше, требует поиска и не совсем традиционных для отечественной историографии путей исследования. В частности, как показал опыт, продуктивными являются методы, направленные на воссоздание восприятия данной группы в межвоенном обществе посредством реконструкции в нем образа душевнобольных.

Соответствуя запросам современности происходит процесс обогащения методологической практикой исторической науки. Ее объектом могут выступать всевозможные стороны социального организма, в том числе различные социальные группы. И это объяснимо: социальная история как наука не является узко ориентированной дисциплиной. Она вышла из естествознания и вскоре на ее основе возникли различные направления со своей источниковой базой, смысловыми понятиями, методами исследования, кругом специалистов. Нельзя не говорить о дальнейшем обновлении объектов исторических исследований.

В целом обозначенная социальная группа интересна не просто как междисциплинарный объект в период современной научной интеграции. Оправданность и необходимость ее научно-социального изучения важна и как мультиобъекта, которым увлечена современная наука, что является следствием и ее развития, и возрастания запросов общества, предъявляемых к научному знанию. История способна не только использовать наработки и методы других отраслей научного знания, но и обогащать их. При этом приходится учитывать особенности ее места и роли в такой интеграции.

В итоге феномен меж- и мультидисциплинарности, на взгляд автора, продиктован возрастанием роли личности в настоящем и, следовательно, в прошлом, в рамках процесса его познания. Актуальна также ревизия давно сложившихся направлений в других областях научного познания, ориентированных на понимание разнообразия мира людей в независимости от их физического и психического состояния. В противном случае мы рискуем попасть в ловушку идеализации человека как исторического объекта междисциплинарности. Кроме того, игнорируя наличие в обществе людей с психическими и психофизическими ограниченными возможностями, мы отвергаем и социальные функции истории, научные принципы ее познания реальности, в очередной раз подвергая историческую науку возможной дискредитации. Несомненно, что обращение к подобным группам способно пролить свет от современного «*Laterna magica*» отечественной истории на багаж разнообразных сюжетов, востребованных обществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8009. Оп. 5. Д. 50 — Нарком-здрав СССР начальнику Сектора психиатрии А. М. Раппопорту [1938 г.].
2. *Гиляровский В. А.* Психиатрия. Руководство для врачей и студентов. Л.; М.: Биомедгиз, 1935.
3. *Гофрин Д. Ф.* Состояние здравоохранения в бывшей Польше: Западная Украина и Западная Белоруссия // Гигиена и санитария. 1939. № 11. С. 7—13.
4. *Каннабих Ю. В.* История психиатрии. Л.: Гос. мед. изд-во, 1928; переизд. М.: АСТ: Харвест, 2014.
5. *Костейко Л. А.* Развитие психиатрии в Белоруссии (конец XVIII века — 1960 г.): автореф. дис. ... канд. мед. наук: 767 Психиатрия. Минск: Гос. мед. ин-т, 1970.
6. *Круглянский В. Ф.* Психиатрия: история, проблемы, перспектива. Минск: Выш. шк., 1979.
7. *Муратова И. Д.* История развития психиатрической службы на Севере // сайт Архангельской клинической психиатрической больницы. URL: http://www.talagi.ru/history_1.htm (дата обращения: 28.06.2012).
8. НАРБ. Ф. 46. Оп. 1-1а.
9. *Николаева И. Ю.* Методологический синтез: «сверхзадача» будущего или реалии сегодняшнего дня? // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б. П. Могильницкого. М.: Логос, 2005. С. 43, 44.
10. *Осипов В.* Курс общего учения о душевных болезнях. Берлин, 1923.
11. *Сыров В. Н.* Философия и перспективы междисциплинарных исследований в отечественной науке // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3 (15). С. 5—14.
12. *Федотов Д. Д.* Очерки по истории отечественной психиатрии. М., 1957.
13. *Юдин Т. И.* Очерки отечественной психиатрии. М.; Л., 1951.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28 чэрвеня 2014 г.